

Елена Борщюлец

ЕГО ЗВАЛИ КРИСТОС,
И ОН ЕЕ УБИЛ

КРИСТОС

Кристос падал лицом в траву, и все его тело впитывало запах новой земли. Корни растений превратили эту почву в защитный жилет. Рано или поздно каждый корешок растворится в ней, впрочем, как и лежащий к ней лицом маленький человек.

Лежа на земле, Кристос дышал глубоко, пыль заполняла его ноздри. Этот природный грим, безотказно дающий приют всему живому и мертвому, будь то растения, птицы или люди, забавлял его. Он наносил его теперь так часто, как мог позволить себе сбегать из дома на холм над водоемом.

Кристу хотелось, чтобы в усохшем, словно костлявая тарань озере, уже очень неотдаленно напоминающем гигантскую лужу, жили величавые каракатицы и смертоносные мурены из его книг. Чтобы трухлявая лодка, перевернутая дном к небу, вросшая наполовину, как старинная крепость в вязкую прибрежную почву, была на деле потерпевшим крушение кораблем.

Разлагавшаяся все быстрее с каждым днем лодка, была испещрена изнутри буквами одного и того же предложения: «Здесь лежит моя большая злость». Одна и та же рука выводила эти однообразные, но видимо целительные слова. То была рука Кристоса. Слова — единственные настоящие врачи во всем мире, считал он.

Пока Кристоса еще не существовало на этом отрезке земли, годы проели в лодке, которую он по-детски захватил, глаза. Сквозь них он смотрел, как пучится перед дождем старое небо, как восход выпускает к людям солнце. Кристос часто испытывал желание, в котором солнце однажды не выходит к людям, и они все замерзают, как замерзли когда-то прекрасные птеродактили из его книг. Он не верил, что они стали кем-то там еще. Когда глупые люди говорили ему, что

птеродактили стали аистами, в ответ они получали лишь скрежет зубов двенадцатилетнего мальчика. Он сожалел, что не родился хотя бы пингвином.

Ко времени хотел замерзнуть и сам Кростос. Он готовил свое тело к мерзлоте, не борясь с ней с помощью одежд и других человеческих выдумок, а принимая ее регулярно, как витамины. Однажды ему удалось просидеть в ледяном подвале один час и сорок две минуты. Находясь под землей, он медленно лизал мороженое и светил фонариком на старый наручный компас, словно плыл в новые земли к своим большим крылатым друзьям. Он рассчитал, что при увеличении продолжительности пребывания в минусовой температуре и уплотнении графика тренировок, через пять-десять лет, когда солнце, наконец, не взойдет, у него появится шанс прожить свою жизнь заново. Прожить новые дни без солнца, покрытые безупречным льдом и катастрофой во имя его спасения. Убеждение в том, что птерозавры умерли от непривычки к холоду, а не от самого холода, никогда не подвергалось его сомнениям. Они просто не успели привыкнуть. Кростос был чемпионом по привыканию.

Зимой, когда земля покрывалась льдом, и он не мог наполнять ноздри теплой пылью, когда трухлявая лодка, где покоилась с миром его большая злость, превращалась в крепкую пещеру из ледяной корки, он приносил в нее записки, все с той же единственной фразой, и сжигал их с закрытыми глазами.

АГНА — ЦЕЛОМУДРЕННАЯ, СВЯТАЯ ЖЕНЩИНА

Искать виноватых в своих злоключениях — нет глупее затеи и дела бесполезнее. Куда лучше потратить время на покраску забора или ошипать до перламутрового блеска курицу и приготовить бульон.

Но беды разнузданно гуляют на широкую ногу там и тут. Они заглядывают в окна в поисках приюта, мгновения тепла и, если повезет, доброго куса сливочного пирога с малиной.

Мария ковыляла из школы к месту, которое стало ей первым крепким домом. Она несла в себе свежий вывих правой ноги и несвежий перелом своего внутреннего мира. Прожив тринадцать лет с женщиной, находящейся в непрерывном поиске религии как единственной опоры для существования человека, этот ее внутренний

мир, был отдан во временное пользование семидесятилетней незнакомке Агне.

Агна разом ощупала длинные тонкие пальцы Марии, и первым делом при встрече с пальцами, и вообще при первой их встрече, вслух постановила, что из Марии выйдет превосходный виночерпий. За год практических занятий тело Марии привыкло плыть, наконец, в одном направлении и наловчилось виртуозно черпать не только вино, а и невиданный, если не сказочный жизненный опыт.

Агна была старой, сохранившейся до невозможности немкой, а по совместительству бабкой Марии по матери. До того теплого майского дня с безупречным рафаэлевским небом над каштановой макушкой Марии, до дня туфелек на миниатюрном каблуке-рюмочке из вишневой лайковой кожи, купленных матерью на последние деньги, о существовании съемной фарфоровой челюсти немки Агны, равно как и о самой Агне, Мария не догадывалась.

Жизнь Агны неторопливо протекала в не по потребностям огромном, наполненном тусклым светом доме. Каждый день Агна расхаживала по нему в черных брюках-дудочках, бледно-розовой или зеленой шелковой блузе, и изведала мир о своем вполне ощутимом присутствии стуком каблуков.

«Я еще здесь! У меня еще не вышел срок годности. У меня здесь еще дела-делишки».

Она прогуливалась тремя роскошными спальнями, комнатой для непрошенных гостей, просторной столовой, холлом, в котором при необходимости можно было провести чемпионат мира по фигурному катанию, и завершала свой крестный ход террасой, сплошь утыканной цветной ротанговой мебелью. Иногда она каталась на собственном лифте. Ровно один этаж, но не потому, что не могла одолеть ступеньки, а ради трехсекундного развлечения.

Агна никогда не готовила сама еду, не гоняла пыль по углам своего миниатюрного дворца. Зато она играла в покер не хуже любого шулера в рассвете карьеры в прибрежном курортном городке. Оставшиеся в живых ее «порочные» подружки по колоде всегда знали, что Агна проиграла партию на ротанговой террасе только ради того, чтобы они снова пришли к ней со своей некрапленой колодой карт. А между делом, сдобрили ее хрустящий артрит красным полусухим.

У нее была вставная челюсть, ночующая в стаканчике на прикроватной тумбочке и белоснежно мертвые волосы, которые были

всегда при ней. Каждый месяц ровно на один сантиметр ее волосы подстригала мулатка Ния. Но дело не в волосах. В сумке для парикмахерских принадлежностей Ния проносила контрабандный продукт с духом. Сплетни. Но Агна избегала этого слова. Предпочитала называть контрабанду слухами.

У Агны во дворе, под террасой, раскинулся огромный старый куст вьющейся розы цвета молодой моркови, а в голове Агны жили старые истории из ее прежней жизни.

Голова тринадцатилетней девочки, только что поправившей лазурного цвета бант, а именно ею была когда-то картежница Агна, то и дело выглядывала из застывших обломков всего живого, словно желая увидеть хоть одним глазком движения титанических плит над расплавленным Дрезденом. Девочка и ее бант застыли в бурлящем сырном супе, приготовленном слепым поваром, которому отрубили руки. И вот уже почти пять лет он готовил ногами. О, чудо повар! Три звезды Мишлена. Агна так и не смогла отдать весь этот устроенный войной праздник сыра и вина в ненасытные лапы прошлого. Она жадно подбрасывала дрова под котелок с проклятым варевом истории.

Агна делила свой каждодневный рассказ для Марии на две порции: утреннюю и вечернюю. Утренняя порция предназначалась для разрастания вечернего аппетита. Она скармливала Марии начало своего рассказа, пока та складывала тетради и карандаши в школьную сумку. Приманивала на живца. Старая фурия! Она взяла за правило появляться в комнате для непрошенных гостей, в которой поселилась Мария и ее вишневые туфли, ровно через пять минут после утреннего боя будильника. Усаживалась в кресло у окна и, водрузив ногу на ногу, закидывала свои добротные сети.

В ее речи тонули любые человеческие фантазии. Жизнь испортила ее лазурный бант, но природа вручила ей кое-что взамен. Этот бартер произошел без ее на то согласия, но кто знает, что ждет нас, поверни мы не за тот угол, а за этот? Агна была хороша в своем рассказе каждый раз. Наверное, она была лучшей рассказчицей из всех, кто выжил в расплавленном до смерти городе.

Вечерняя порция рассказа подавалась, перескочив время обеда, под хлюпающее поглощение вина. Если Мария не наливала вино в обласканный Агной до идеальной прозрачности бокал, Агна молчала. Она театрально сжимала свои сухие, позабывшие вкус сладких помадных жиринок губы, и становилась похожа на мраморное из-

ваяние Родена. Величественный камень, дыхание которого однако нельзя подвергнуть сомнению.

Тонким красным фломастером на вырванном из школьной тетради Марии листе, она рисовала корявую плоскую рыбу. Закрепив края листа за воротник блузы, надевала шедевр вместо жабо. Орыбление длилось не долго. Агна неизменно щедро выбрасывала свою жизнь на торговый прилавок.

В первый месяц своего погружения в новую жизнь, в жизнь без доброго светлого лика Будды, поедания руками пророщенных злаков, в жизнь без сердечного покаяния, воскресных походов в дома молитвы в тоскливых серых платьях-колпаках, в жизнь без братьев и сестер во Христе на самый тусклый вкус и цвет, Мария даже сучала о прежних веселых днях. Теперь у нее в распоряжении были свежие и сытые чернильные ночи, чтобы думать о том, чего не случилось и о том, что же все-таки произошло.

Думая о не покидающей пределы собственного двора, назначенной ей в смотрительницы Агне, Мария считала, что цена за ее вишневые туфельки непомерно высока. И пускай дом с террасой, зеркальным лифтом, причудливой узорчатой тканью на стенах, немая кухарка Агны и ее малиновый пирог ошеломили не знавшую достатка Марию, ей не хватало матери. Не хватало их чистой и солнечной комнаты, волшебной меняющей свой облик каждый раз, когда в сердце у родительницы прорастало зерно новой веры.

Ведь ноги еще будут расти и туфли станут ей малы, думала Мария, а Агна останется с ней, пока не умрет. И судя по тому, что она не услышала и трети из бытия вышедшей на берег ее жизни, словно Киприда, бабки, смерть еще даже не купила билет на поезд в ее сторону. Агна все делала до конца. Это Мария усвоила из ее рассказов наверняка. По прошествии года Мария утратила то, что так отчаянно и невольно она искала, скитаясь со своей матерью. Она утратила веру. Веру в то, что мать вернется за ней, как обещала ей в день рафаэлевского неба.

МАРИЯ И ВИШНЕВЫЕ ТУФЛИ

Чтобы быть собой, нужно так мало, но это почти невозможно. Так уж повелось. Мария появилась на этой земле в городе у большого моря. Она так и называла его — «мое большое море».

*Игли-бигли
Крабле-бле
Дождь идет на корабле
Биги-дриги
Пирли-понт
Боцман взял дырявый зонт,
Весь промок и весь простужен,
Только рыбам зонт не нужен.*

Целый поезд надежд утонет для нее в том, теперь далеком прибрежном городишке.

В первом вагоне с красными мягкими сиденьями, в набирающем скорость составе, утонет собака. Шоколадный сеттер Оскар, названный матерью в память об истлевшей звезде пылкого сказочника своего времени Оскара Уайльда. Мать вздыхала, переплетала пальцы рук и называла писателя «бедный, бедный Оси». Словно Уайльд еще вчера заглядывал к ним в комнату на чай с кренделями в белоснежной сахарной пудре, а сегодня их одноглазый дворник Хант сообщил, что их друг сломал обе руки, и не может больше ни есть крендели, ни дописать сказку о Великане-эгоисте.

«Искать и ждать» — таков был девиз маленького мирка Марии. Собака канет в густую пустоту по улице Сезам вместе с ошейником, расшитым Марией цветным бисером.

Второй, купейный вагон утащит ко дну потрепанную записную книжечку в твердом переплете, странички которой всегда так невыносимо нежно поскрипывали с июля по октябрь. Морской песок оседал между страниц, и его уносили с пляжа вместе с коротенькими новыми стихотворениями. Это была игра, которую они придумали сами, и которая принадлежала только им. Ей, матери и морскому песку. Мария получала новый стих, если рассказывала на память предыдущий.

*Шатл-батл
Бури-клуб
Ходит-бродит в море краб
Шикли-пыкли
Бубли-елек
Ждет кастрюля, словно берег.*

*Меньше горя и пилюль,
Больше крабов и кастрюль.*

Третий, общий вагон, с кишачими, как тараканы, и, в подтверждение этому сравнению, усатыми женщинами, а также потными мужчинами, утопит ее скудные воспоминания об отце. Однажды они ехали в таком вагоне все трое в чужой город, в город, где маленькая Мария увидела то самое рафаэлевское небо. Это было путешествие. Они привезут домой много музейных открыток. Мария спросит у матери, про что эта картинка, и ткнет пальцем в лик Сикстинской мадонны. Мать ответит ей, что она про небо.

Удушливое лето любила только Мария и пассажиры первого класса, где вагоны с мягкими сиденьями и кондиционером. Какое-то кладбище, какая-то серая плита и жадные до пустого чайного печенья вороны. Отец ушел из их жизни как-то незаметно для Марии.

Мать Марии очень хотела быть собой, особенно после смерти мужа. Она что есть силы играла в игру «Я — это я». Если бы их комната принадлежала им, то все могло бы быть как-то иначе. Как-то по-другому. Но за комнату всегда нужно платить. Это было связано с работой. На которую выходил по утрам даже одноглазый дворник Хант. Но слово «работа» мать запретила произносить в их священном уголке. Больше всего мать любила слова «жизнь» и выражения: «как-то проживем» и «вот, теперь заживем».

Марии после особо насыщенных скитаниями дней снился один и тот же сон. Она видела перед собой разложенное на столе игровое бумажное поле с множеством тонких золотистых линий, видела две игровые фишки, красную и черную. Потом — как мать кидает кости, и они оказываются пустыми. Пропуская ход, она грустно передает кости Марии, и Мария, зная, что ее результат будет таким же и что эту бесконечную игру можно остановить единственным способом, — глотает кости.

ПОПУГАЙ ИЛИ ПТЕРОДАКТИЛЬ

Они привезли с собой много книг. Кристос сам купил на рынке бечевку и крепко перевязал уложенные с любовью фолианты. Чтобы добраться до нового места, чтобы осесть и злиться, как следует, уже

на нем, он и его мать приложили немало усилий. Крестос на каждом коротком отрезке пути испытывал жгучую тревогу, что матери станет плохо в дороге. Его детские глаза, два блестящих блюдца-лодочки, не выпускали лицо матери из виду. Она улыбалась и, вполне ощущая в воздухе его страх, гладила ему непослушные курчавые волосы.

Он не спрашивал где их новый дом, какой он и почему. Крестос знал, что во время большого льда, не имеет значения место нахождения. Это помогало ему быть внешне спокойным. На прощание с прошлым он купил большое сливочно-малиновое мороженное в киоске на вокзале. Купил билет — садись и слушай стук колес.

*Кирли-гага
Ширли-га
На дороге два врага
Зашли-вышли
Ту-пока
Страх кусает за бока.
Переходим мы границу,
Гладим кроткую синицу.*

Когда ты еще веришь в хорошее, когда можешь желать свои желания, ты продолжаешь желать. Когда тебе пять лет, твои желания могут быть смелыми и странными, в двенадцать они еще могут оставаться с тобой. Но вот вера? Ее уже может не оказаться под рукой к двенадцати годам.

На свой пятый день рождения Крестос заказал родителям птеродактиля. И на шестой тоже его. На седьмой он не заказывал ничего.

К этому времени к ним пришла эпилепсия. Так сказал врач, который расхаживал в белой, как сахарная вата палате, куда привезли его мать. Крестосу понравилось слово «эпилепсия», хотя он и испугался, когда случился первый приступ.

«Нарушение функции головного мозга, проявляющееся преимущественно в виде рецидивирующих припадков. Обычно развивается в детстве или в молодости. Некоторые формы эпилепсии являются семейным заболеванием. Образ жизни и пол значения не имеют».

Он прочел это в домашнем медицинском справочнике, заучил на всякий случай наизусть и таким образом установил, что мать его еще молода.

Она обещала, что купит ему попугая, как только они обустроятся на новом месте. Он никогда не хотел попугая. Не видел смысла в том, чтобы — иметь попугая, а хотеть птеродактиля. Грустно бежать за призраком, не скрывающим, что он призрак. Чтобы увидеть его рассеивание достаточно протянуть руку. Крестос добрую сотню раз протыкал руками свою мечту.

Разгружая коробки в новом своем доме, он вспоминал, как стал злиться настолько, что это стало мешать читать книги. Как только книги начали страдать, пришлось искать способ уничтожить злость, околпачить ее. Под устричное скрежетание зубов дыхание Крестоса учащалось как-то само собой, и страницы он разрывал пыхтя, как злобный зверек. Потом он их склеивал.

ПУРПУРНОЕ СЕРДЦЕ КУРТА

Агна объявила день Курта открытым. Она не была зависима ни от чего на свете так, как от этого дня слабого зимнего солнца. На ее плечах играла новая блуза, сшитая на заказ; казалось, отнятый у шелкопрядов шелк источал аромат живой сирени в этот ледяной февральский день.

Курт мог сжечь эти костлявые плечи, как тысячи других оказавшихся в дрезденской переплавке. Это была его работа, в конце концов.

«За пурпурное сердце Курта!» Агна поднимала свой бокал с вином, и ее пальцы хрустели, словно трескающееся стекло. Марии казалось, что в бокале кровь. Кровь Агны или, может быть, Курта.

Она ничего не слышала, бомбы отняли слух Агны. Они умеют отнимать все, что им понравится, и слух — не самая коварная их проделка. Под завалом Агны и ее лазурный бант провели глухие часы ожидания смерти. Но смерть была занята другими девочками и мальчиками по всему миру, охваченному приготовлением различных кошерных и не очень кошерных блюд.

«Здравствуй, смерть», — так встретила Агна Курта.

Его губы выпускали слова, которые не сразу проникали в Агну. Пока этот совершенно чужой человек переносил ее на руках в новую жизнь, уши ее еще только возвращали свое право на звуки.

— Я Курт, — сказал Курт. — Ты живая.

— Ты не немец, — сказала Агна. — Я Агна.

- Я пленный солдат, — сказал Курт. — А ты живая, Агна.
- Мне больно, — сказала Агна.
- Мне тоже, — сказал Курт. — Мы на бойне. Здесь всем больно.

Немецкой девочке Агне выпала ее самая козырная карта «Пурпурное сердце пленного американского солдата Курта». Это не туз — джокер, как он есть. Большой шутник под красным колпаком ловушки войны. Агна стала рыбой, уплывшей из горящего супа. Много раз по ночам она видела во сне пальцы Курта. Тонкие, длинные, нежные, с безупречными лопатками ногтей, они касались клавишей белого рояля, а на пюпитре рояля стояла не нотная тетрадь, а открытая книга. Кто-нибудь другой, увидев этот сон, не знал бы чьи это пальцы, но Агна точно знала, что это пальцы Курта. Курт играл колыбельную. На рояле спала кошка.

В день Курта кому-то нужно было есть сливочные пироги с малиной и все другое, отчего на скатерти не было видно ни одного завитка. Агна не играла в этот день в покер, она отправила кухарку с приглашением к соседям, жившим с дня поселения особняком, и уселась ждать гостей.

Мать Крестоса грянула в доме Агны и Марии своим бледным лицом, словно сбежавшая от грозы молния. Крестос был ее громом. С книгой под мышкой он уселся за праздничный овальный стол рядом с Марией. Агна заполучила новых зрителей.

Бабка Марии в своей второй жизни сыграла пять главных ролей в кино, этого хватило, чтобы откатать произвольную программу воскресения, не снимая итальянских тувель-лодочек. Олимпийский результат, да и только. Она давно сошла с кинематографических забегов на длинные дистанции. Но болезненную потребность в зрителе не смогла усыпить до сих пор.

ЦЕНА ЗА НЕСОГЛАСИЕ

В этот день, сидя за столом, ломившимся от еды и слишком реальных, буквально хватающих за лодыжки приведений, Агна созналась в том, что выгнала свою дочь из дома, когда та привела в него новоиспеченного своего мужа, отца Марии. Агна сожалела, что дочь испортила себе жизнь и отличную партию в покер, которая была как

раз в разгаре в тот вечер. Большого ничтожества, чем ее зять, по ее словам, она не встречала со времен войны.

«Ничтожество!» Агна была уверена, что всем известно подлинное значение этого слова. Мария кусала губы и теребила ткань своего платья, понимая, что откровенность бывшей актрисе дается нелегко. Что она, возможно, приближает ее к смерти. Агна избавлялась от балласта, а это сулит перспективу полета.

Этот ее рассказ предназначался только для одного человека. Но она ни разу не взглянула в глаза внучки. Она рассказывала, прерываясь изредка на тост за спасителя Курта. Мария не могла так быстро понять всего, что случилось с ее жизнью по причине изгнания ее матери из дома, но неожиданно для себя пришла к выводу, что Агна любит ее и что она любила свою дочь в вечер изгнания. Потому что, как ни крути, но каждый пребывает в своем праве. И мать и Агна воспользовались этим правом.

О том, что на свет появилась Мария, Агна узнала спустя три года, когда дочь написала ей письмо с просьбой выслать ей немаленькую сумму денег для выкупа долга отца Марии. Письмо все насквозь кричало, что только опасение за жизнь маленькой Марии вынудило ее обратиться к ней. Мать Марии ни разу не пожаловалась на свои тяготы и ничем не упрекнула Агну в послании. Агна не ответила на письмо, но деньги выслала.

Агна не знала о смерти «ничтожества» до того дня, пока спустя восемь лет мать Марии не набрала номер ее телефона и не предложила ей выгодную сделку. Вполне открытый контракт. Вполне. Она предложила отдать ей Марию навсегда. Без права встреч и переписки. Мария от этих слов Агны ощутила, как катится в ее голове непонятный гул. Она не заметила, как проковыряла дыру в атласной обивке стула, за которой были железные пружины. Крестос смотрел на Марию и не шевелился, пока он не увидел, как палец, который то исчезает, то выныривает из дыры в обивке цвета муслина, уже в крови. Он обхватил своими пальцами запястье Марии, остановив движение, но сжал руку и дал ей почувствовать физическую боль. Крестос знал, что физическая боль легче той, что заставила Марию не чувствовать рану на пальце.

ДЕЛО КАЖДОГО МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА

Если бы однажды утром, проснувшись, Крестос столкнулся нос к носу с птеродактилем, если бы однажды утром не столкнулся с эпилепсией, его большая злость, возможно, не была бы такой большой. Когда он вспоминал, как плакала мать, если отец называл ее калеккой, он превращался в существо без племени.

Shame. Отец любил вставлять английские слова в свою речь и повторять их по несколько раз, для убедительности. Сам он был убежден как-то сразу. Скоропостижно. С пылу с жару. Крестос стал избегать отца. Это продолжалось недолго. Вскоре они поменялись местами.

*Зазель-базель
Мырли-тук
Всех спасает твердый круг
Чики-шики
Ту-кики
Тонут только дураки.
Я не вижу дурака —
Вот тебе моя рука.*

Мать подарила ему голубку. Она была белая с черной гривой. Гривун. Глаза — икринки. Перья — шелк. Тепло внутри и снаружи. Крестос прибывал в бешенстве много дней и отказывался кормить птицу, давать ей имя. Почти все эти дни он ходил к лодке. Весна наступила на новой земле без предупреждения. Выпив весь снег, покрывающий берега озера, за одну ночь. Теперь лодку он делил с Марией. И немного злости тоже отдавал ей.

Голубка была для него предательством. Он жил совсем другой птицей, существом-уродцем, которого никто, кроме него, не смог бы любить. Любить безупречную голубку мог кто угодно. Даже его отец. Крестос хотел, чтобы его любовь была единственной в своем роде. Чтобы все говорили ему: shame, shame, shame... Какое красивое слово, бархатное касание, а не слово. Крестос рассказал Марии о своей вере в холод и предложил готовиться к мерзлоте вместе.

Мария любила море и песок, лето и часто вспоминала о своей собаке. У нее были новые туфли. Мария прикипела к Агне и к лодке, в которой они хоронили большую злость Крестоса.

Нельзя повернуть русла всех на свете рек в нужном тебе направлении, установила Мария. Нельзя носить всю жизнь одни и те же туфли, решила она. Невозможно знать, что за поворотом тебя ждет Курт Пурпурное сердце. Нельзя быть уж так уверенным, что птеродактиль не имеет отношения к голубке, подаренной Крестосу. Какой прок в вечной мерзлоте, если после нее все начинается сначала? Жизнь пробивается сквозь лавины огня и толщи льда. Мария призналась Крестосу, что тоже верит. Верит в море. А еще она верила в то, что однажды злость Крестоса совсем рассеется. Она еще не знала, как и когда это произойдет, но она верила. Может быть, думала Мария, это случится как-то странно или даже страшно.

У матери Крестоса снова был приступ. Но Крестос больше не испытывал страх. Он взял белую голубку с черной гривой и положил в холодильную камеру. Мать успела нацепить ей на лапку медное кольцо с именем. Она считала, что птица не может жить без имени.

Ее звали Петра, и он ее убил.

